

Гюнтер Прии

КОМАНДИР ПОДЛОДКИ

*Стальные волки
вермахта*

Гюнтер Прин
Командир подлодки.
Стальные волки вермахта

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=610335
Командир подлодки. Стальные волки Вермахта: Центрполиграф; Москва; 2004
ISBN 5-9524-0338-7

Аннотация

Немецкий офицер-подводник Гюнтер Прин рассказывает о боевых операциях подводных лодок Германии в Атлантике, непосредственным участником которых он был. Вы проследите за судьбой одного из самых удачливых капитанов, добившихся признания на родине и нанесшего непоправимый урон противнику. А также познакомитесь с подробностями сражения в заливе Скапа-Флоу, за которое Прин был удостоен высшей награды – Рыцарского креста с дубовыми листьями.

Содержание

Глава 1 НАЧАЛО	4
Глава 2 ПОД ПОЛНЫМИ ПАРУСАМИ	7
Глава 3 КРУШЕНИЕ	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Гюнтер Прин

Командир подлодки.

Стальные волки вермахта

Глава 1 НАЧАЛО

Это происходило в Лейпциге недобрым летом 1923 года. Инфляция всех разорила. Наши родители обеднели. Улицы города были серыми и грязными. Шел дождь.

– Сегодня скажем? – спросил Гейнц.

Я подумал о маме.

– Думаю, мой старик всыплет мне, – беззаботно сказал Гейнц, многозначительно пошлепывая себя в грудь. Перспектива родительского наказания оставила его равнодушным.

Мы расстались перед моей дверью. Отойдя на несколько шагов, Гейнц обернулся и крикнул:

– Я обязательно скажу старику сегодня! – Помахав, он скрылся за углом.

Я поднялся по узкой деревянной лестнице. Ее стертые ступени скудно освещались маленькими окошками, выходящими во двор. Мы жили на втором этаже.

Дверь открыла мама. Она была в блузе, заляпанной краской.

– Ш-ш, тише, Гюнтер, – прошептала она. – Мистер Бузелиус еще спит.

Бузелиус – толстый студент, занимавший комнату у входной двери. Он учился уже семь лет. Обычно он оставался в постели до полудня, утверждая, что лежать ему лучше работается. Дверь тряслась от его храпа.

Я прошел в дальнюю комнату. Стол был уже накрыт. Лиззи Лотта и Ганс Иоахим сидели на высоких стульчиках бледные и робкие. На камине лежали три письма в голубых конвертах – счета!

Мама вошла в комнату с едой. Ячменный суп. Ели молча.

– Там много? – спросил я, кивая на голубые конверты.

– Самое плохое – счет дантиста, – вздохнула мама и добавила: – Тем, кому нечего кусать, не нужны зубы.

Я посмотрел на нее. Лицо было добродушным, круглым, а взгляд горьким. Нет, я не мог сказать ей. По крайней мере, сейчас.

Убирая со стола, мама сказала:

– Когда закончишь домашнюю работу, отнеси кружева Кливиц. Принесли еще коробку.

Я кивнул. Это не было настоящей работой, но мы на нее жили. Моя тетка покупала кружева в Эрцгебирге, а мама продавала их в маленькие магазинчики Лейпцига. Доход был скудным, а иногда его и совсем не получалось.

Я дождался вечера, так как коробка была большой и мне не хотелось, чтобы школьные друзья меня с ней увидели. Магазин помещался на Нью-Маркет. В крошечном окошечке выставлялись старомодное нижнее белье, ночные рубашки с вышивкой, маленькие петельки и кружева для наволочек – наши кружева. Выглядело это так, будто кто-то вытряс в окно бельевую корзину 1880-х годов. Старшая из сестер Кливиц, маленькая, как бы усохшая женщина с острым носом и черными глазами, была в магазине.

– Добрый вечер, – сказал я, ставя коробку на прилавок. – Я принес кружева от мамы.

– Не мог прийти пораньше? – спросила она ворчливо. – Уже темно. – Она сняла крышку с коробки и принялась копаться в кружевах, бормоча: – Конечно, опять неотбеленные... и

всегда тот же рисунок. «Глаза Бога», снова «глаза Бога». Никто не хочет сегодня этих «глаз Бога». Предупреждаю в последний раз.

Я ничего не ответил.

Звякнул дверной колокольчик. Вошла покупательница.

Мисс Кливиц оставила меня стоять и пошла обслужить ее. Видеть, каким приятным стало ее лицо, как мягко звучал голос, когда она разговаривала с покупательницей, было просто удивительно.

Я стоял и наблюдал. Да, вот так они жили, эти несчастные продавцы: раболепие перед вышестоящими и пинки для нижестоящих.

Покупательница ушла с пакетиком булавок. Мисс Кливиц вернулась к моей коробке и стала ковыряться в ней, как курица, выкапывающая червей, продолжая ворчать:

– Образцы были совсем другие, гораздо лучше... И аккуратнее сделаны... Вряд ли я захочу брать этот хлам.

– Ну... – начал я.

Она подняла голову и посмотрела на меня. Глаза ее стали как щелочки, рот приоткрылся. Еще слово, и она вышвырнет меня вместе с кружевами. Я знал это так точно, как если бы она сказала вслух. Я подумал о маме, о младших дома и промолчал.

– Ты что-то сказал? – спросила она.

– Нет.

– Ну а мне и не хочется ничего слушать, – сказала мисс Кливиц с триумфом.

Она пошла к кассе и отсчитала деньги. Я поблагодарил и ушел.

На улице я осторожно закурил сигарету, опасаясь, как бы школьный учитель не поймал меня. Нет, так продолжаться не может. Я должен уехать, иначе задохнусь. Гейнц собирался сказать своему отцу, что мы оба хотим уйти в море, а я должен сказать маме. Возможно, лучше сделать это не откладывая.

Дома я проглотил ужин и отправился в свою маленькую узкую комнату с окном во двор. Там стояли раскладушка, стол, стул, умывальник и маленький книжный шкаф. Если встать поближе к окну, виден кусочек неба. Над кроватью висел портрет Васко да Гама, моего самого любимого из всех великих мореходов прошлого. Я читал и перечитывал книгу о его жизни. Как в двадцать семь лет он начинал, имея всего три суденышка, каждое не больше рыбацкой лодки. Как он плыл под парусами вокруг Африки, страдая от невероятных лишений. Как завоевал Индию и вернулся, приветствуемый королем и народом.

Если бы я мог уйти в такую жизнь, полную приключений! Но у мамы не было денег, это было главным препятствием. Правда, у меня была девяносто одна шведская крона, заработанная на международной ярмарке в Лейпциге. Но хватит ли девяносто одной кроны для поступления в морское училище? Возможно. А если нет, я могу уйти в море и без учебы. Это была моя последняя мысль перед тем, как заснуть.

На следующее утро Гейнц Френкель зашел за мной по дороге в школу.

– Я поговорил со стариком, – сказал он. – Отец был удивительно благоразумен для своего возраста. Предложил сначала получить аттестат об образовании, и тогда, если я не передумаю идти в море, он не будет препятствовать.

– Здорово! – сказал я.

– А ты? – спросил Гейнц. – Что сказала твоя мать?

– Ничего, потому что я ничего ей не говорил.

Смеясь, он похлопал меня по плечу:

– Ну, старина, значит, мы должны продолжать грызть науки.

Но мне было не до смеха. Днем я поехал в профессиональный совет при бирже труда, чтобы узнать об условиях обучения на юнгу.

Принимал меня точно не португальский король. Бледный желтолицый человек неодобрительно уставился на меня сквозь толстые стекла очков и спросил:

– Ты хочешь поступить в торговый флот, ты, малявка? А что скажут твои родители?

– Мама согласна, – соврал я.

– Тогда приходи с ней, – недоверчиво сказал он и снова стал листать бумаги, как будто меня тут и не было.

Скрепя сердце я объяснил ему, что хочу узнать, что я должен делать, чтобы поступить, и сколько это будет стоить. Он раздраженно поднял на меня глаза, выхватил какую-то бумагу и бросил ее передо мной, не тратя слов. Это был проспект Немецкого морского училища в Финкенвардере. Я поблагодарил и ушел.

Выйдя, я изучил брошюру. Я не смотрел на картинки, едва глянул в текст и просто искал, сколько времени займет обучение и сколько оно стоит. Там значилось: три месяца учебы и сумма в бумажных марках, немалая сумма. Больше того, взносы могли увеличить без предупреждения.

Я пошел по улице. В офисе газеты «Лейпцигские новости» я изучил страницу финансов и стал подсчитывать. Какое счастье! Моей девянсто одной шведской кроны вполне хватало.

Дома мама сидела перед мольбертом. Картина изображала оленей в лесу. Эту картину она рисовала уже много раз.

– Только представь, дорогой, дантист берет картину в оплату. Ему нравятся мои картины, и он уже нашел мне еще двух покупателей. – Ее щеки зарумянились. – Я могу просить по крайней мере тридцать золотых марок за каждую, сказал он. Если дела пойдут хорошо, я смогу рисовать две или три в неделю. Это двести сорок или триста марок в месяц, мой мальчик. Знаешь? Тогда мы сможем перестать торговать этими кружевами.

Я посмотрел на нее. Она опять была в своей стране несбыточных мечтаний. Я глубоко вздохнул:

– Хорошо, мама, но не лучше ли будет, если тебе придется кормить одним голодным меньше?

Она опустила кисть:

– Что ты имеешь в виду, Гюнтер?

– Думаю, мне пора подумать, как зарабатывать деньги.

– И что ты предполагаешь делать?

– Я хочу уйти в море.

Она встала. Мы смотрели друг на друга.

Я быстро сказал:

– Посмотри, я получил программу морского училища в Финкенвардере. Плата не такая уж большая, можно заплатить моими шведскими деньгами. А потом...

Она прервала меня:

– Ты правда хочешь уйти в море?

– Да, – сказал я. – Правда. Ты ведь знаешь сама.

Она ничего не сказала, только наклонила голову. Потом тихо и неуверенно произнесла:

– Если так, я не буду стоять на твоём пути.

Глава 2 ПОД ПОЛНЫМИ ПАРУСАМИ

Мореходное училище в Финкенвардере размещалось в большом красном кирпичном здании на берегу реки. В течение дня мы могли видеть корабли, плывущие мимо, а по ночам по реке двигались огоньки. Когда мы лежали в своих дортуарах и не могли ничего видеть, мы слышали гудки пароходов и мечтали попасть на борт и плыть в неведомое.

Мы – это толпа из тридцати – сорока мальчишек, всегда голодных, как волки, всегда жизнерадостных и всегда полных надежд.

Дисциплина в школе была суровая. Если кого-нибудь ловили курящим, его заставляли съесть сигарету. Но нас это не удручало. Мы брали от жизни все, что могли, даже если это был обед начальника. Чтобы стянуть еду капитана Элкера, требовалась особая техника, трюк, который передавался из поколения в поколение. Когда подъемник проходил через нашу столовую, надо было быстро поменять полные тарелки на пустые. Неуклюжего могло зацепить в лифте. Но это проделывалось снова и снова. Кое-кто утверждал, что капитан Элкер такой маленький потому, что на своей тарелке часто не находит ничего, кроме воздуха.

Нас учили вязать узлы и сращивать концы, читать сигнальную азбуку и постигать все чудеса морского искусства. И все это очень быстро, потому что нас надо выпустить через три месяца. Старые моряки обычно называли нашу школу «машиной для морских сосисок».

Но нам все равно не терпелось, и все разговоры в свободное время касались только одного: возможности попасть в долгое плавание. Мы ходили взад и вперед по пристани, раскачиваясь, как настоящие моряки, плевали с пирса в воду и нетерпеливо ждали, что кто-нибудь обратит на нас внимание. Но никто не обращал.

Через три месяца был экзамен. Все сдали, и капитан Элкер, пожав каждому из нас руку, пожелал доброго пути в жизни. Все ушли, остались только мы двое: Янки и я. У нас не было денег, чтобы вернуться домой, и мы не хотели упускать ни малейшего шанса. Мы стали учениками класса «Д», оставленными после окончания курса. В Финкенвардере вы начинаете с класса «А» и переходите в «С» за месяц до экзамена. «Д» – это такие птички, которых кормят, пока им тоже не удастся найти пристанище.

Это было неприятное время. Наше случайное хождение по пристани превратилось в лихорадочную гонку с корабля на корабль. Но мы никому не были нужны. Однажды вечером, когда мы, уставшие и унылые, вернулись в школу, боцман Шмидт остановил нас в зале и сказал:

– Говорят, что после двух дней гость в доме, как и дохлая рыба, начинает вонять. – Он коснулся пальцем своей фуражки и ушел.

Это действительно было неприятное время. Когда однажды утром капитан Элкер приказал нам явиться к нему, мы почувствовали облегчение. Так или иначе, это был конец.

Когда мы вошли в комнату Элкера, он сидел за своим письменным столом. Мы откозыряли и встали по стойке «смирно».

– Полностью оснащенный «Гамбург» ищет двух юнг, – сказал Элкер резким командным голосом. – Это хороший корабль, и капитан – один из лучших моряков, каких я знаю. Вы можете приступить завтра.

– Хорошо, сэр, – сказал я.

Но Янки сухо спросил:

– А сколько мы будем получать?

Капитан Элкер нахмурился.

– Получать? – переспросил он с неодобрением. – Что ты имеешь в виду? Вы еще учитесь и на борту ничто. Как-никак «Гамбург» – учебный корабль. Компания требует тридцать марок в месяц за обучение. И это дешево, парни, чертовски дешево.

Я видел, что Янки покраснел. Он был сыном крестьянина из Померании, и деловой инстинкт был у него в крови.

– Мы не сможем принять это предложение, капитан. И в любом случае мой отец не заплатит.

– Ладно, – сказал Элкер. – А ты, Прин?

– Не думаю, что моя мама сможет заплатить, – вздохнул я.

– Ну, тогда, думаю, вопрос исчерпан. – Он отпустил нас презрительным жестом руки. Вечером капитан вызвал нас снова.

– Ну, я договорился, – грубо сказал он, – что вы не будете платить.

А сколько нам заплатят? – опять спросил Янки.

Элкер долго смотрел на него. Взгляд был любопытный, наполовину удивленный, наполовину раздраженный, и еще в нем читалось какое-то завистливое одобрение. Затем он сказал:

– Небольшая прибавка к нулю, – повернулся на каблуках и вышел, оставив нас стоять.

На следующий день мы пошли на корабль. Это было воскресенье, ясный холодный день. Снег искрился на солнце, лед на Эльбе блестел, плывя вниз по течению. «Гамбург» был пришвартован к пирсу как раз напротив фирмы «Блом и Фос». Корабль еще загружали, везде на палубе лежали концы тросов и разные приспособления, в углу – пустые жестянки и мусор. На борту, казалось, никого не было.

Около трапа стояли два человека: офицер с синим воротничком и огромный мужчина в штатском. Он походил на моржа – красные щеки и обвислые усы. Его рубашка была растягнута, несмотря на холод, и, казалось, могучее красное горло вырастает прямо из нее. По его жилету тянулась толстая золотая цепочка для часов.

– Это вы два новичка? – спросил морж глубоким басом, распространяя запах джина.

– Да, сэр, мы юнги, – ответил я.

– А, джентльмены из мореходного училища, – сказал он и насмешливо посмотрел на офицера. Затем рявкнул на всю палубу: – Стокс!

Через минуту явился матрос.

– Это салаги! – объявил боцман. – Покажи им шкафчики и койки. Этот, – он показал пальцем на Янки, – пойдет в носовой кубрик, а второй – на корму, в «еврейский храм». – Он повернулся и сплюнул в воду.

Стокс послал Янки на бак, где были койки матросов и юнг, а меня повел на корму. Я искоса посмотрел на него. Маленький тощий человек с бледным недовольным лицом. Передние зубы выдавались вперед, и в профиль он напоминал злобную крысу.

«Еврейский храм» – это помещение для старших матросов, большое и низкое. Справа и слева по стенам располагались койки в два яруса, образуя темные пещеры. В центре стоял длинный деревянный стол и две скамьи. Солнце проникало через иллюминатор и отражалось в обшивке, пронизывая мрак тонкими стрелами. Пахло водорослями, смолой, морской водой. Никого не было видно, но кто-то повернулся в темноте на койке, когда мы вошли.

– Вот твоя койка, – сказал Стокс и показал на пещеру справа.

Я бросил на нее свой мешок. Стокс сел за стол, вытащил газету и начал читать.

– Вы хотели показать мой шкафчик, – сказал я.

Он поднял голову:

– Что-о-о?

– Я хочу попросить показать мой шкафчик.

Он встал и направился ко мне. Шел бесшумно, голова наклонена вперед.

– Что-о-о? – повторил он, странно растянув звук.

– Я хотел спросить...

В следующую минуту он ударил меня в лицо. Раз, потом еще и еще. Он бил тыльной стороной ладони.

– Я отучу тебя фамиллярничать с моряком, болван! – выкрикнул он.

Я был так удивлен, что даже не пытался парировать удар. Но потом кровь бросилась мне в голову. Нет! Пусть подонок на десять лет старше, пусть сильнее и крепче, я не позволю избивать меня! Я втянул голову и сжал кулаки.

Чья-то рука легла сзади на мое плечо и сжала как в тисках.

– Спокойно, парень, спокойно, – сказал звучный голос. Потом Стоксу: – Пошел вон, мразь.

Я повернулся. Это был моряк с верхней койки. Я его разглядеть не мог, только его руку, все еще лежавшую на моем плече. Рука сильная, толстая, волосатая, мускулы как канаты.

Стокс потрусил к двери, что-то бормоча на ходу, но нельзя было понять ни слова. Дверь хлопнула. Человек перекинул ноги через край койки и спустился вниз.

– Думаю, ты новичок?

– Да.

– Как тебя зовут?

– Гюнтер Прин.

– А я Макс Витачек, – сказал, протягивая руку, здоровяк, на полметра выше и в два раза шире, чем я. – Не стоит беспокоиться, – продолжал он. – Стокс – вонючка. Он сам хиляк, поэтому ищет тех, кто слабее, и старается взять верх над ними.

– Я не слабее, – сказал я. – Еще неизвестно...

Известно, – засмеялся он. У него были блестящие глаза, как бы омытые соленой водой и ветром. – Известно, – повторил он. – Ты, безусловно, слабее, потому что, если ты в самом деле побьешь Стокса, мы все побьем тебя. Ради дисциплины. – Он сел у стола и стал набивать трубку. – Я видел однажды, как это бывает, – сказал он. – Салага ответил на удар. Он был сильный парень и дал сдачи матросу. Но после этого три недели лежал в койке и ему понадобились металлические зубы. Обычно он чистил их наждаком. Я бы пожалел, если бы вынужден был помогать Стоксу, – добавил он, раскуривая трубку.

Пока он сидел, спокойно покуривая, я раскладывал вещи. Я еще не закончил, когда вернулся Стокс и приказал мне идти к боцману.

Боцман жил в каюте один. Он лежал на койке, положив на стул ноги в ботинках.

– Ну, господин новичок, – начал он, – мы ожидали вас, потому что для вас есть важная работа.

Он выкатился из койки и, протопав мимо меня к двери под баком, рывком открыл ее.

– Вот наш парламент, – сказал он, указывая на два толчка. – Ты не поверишь: когда-то они были белые. Принимайся за них. Горячую воду и соду возьмешь у кока. Когда закончишь, доложишь мне.

Он ушел, а я принялся за дело. Через открытую дверь я мог видеть кусочек палубы и грот-мачту, высокую и стройную. Она вырисовывалась на фоне бледно-голубого февральского неба. Вот она, морская жизнь, о которой я мечтал. Проклятие, это не самое счастливое начало жизни на море.

Закончив, я отправился к боцману. Он пошел со мной и тщательно проверил оба толчка. Затем повернулся ко мне.

– Хорошо сделано, салага, – сказал он. Тон был сердечным и без сарказма. – Если всегда будешь делать так же, станешь добрым другом Гарри Стовера. – Он хлопнул меня по затылку и ушел.

В «еврейском храме» Зиппель и я должны были заботиться о порядке. Зиппель тоже был юнгой. Маленький быстрый паренек с копной светлых волос и веселыми голубыми глазами. Мы брали жестяные бачки с едой с камбуза и приносили их в столовую, где матросы,

сидя за столом локоть к локтю, заглатывали пищу – жареную свинину с красной капустой, так как было воскресенье.

– Ты Гюнтер Прин, – сказал юнга, когда мы уселись есть, – а я Отто Зиппель. Можешь обращаться ко мне на равных, хотя я на борту на четырнадцать дней дольше, чем ты.

Матросы засмеялись, только Стокс выглядел раздраженным. В этот день мы были свободны. На следующий день началась работа. Мы принимали на борт припасы, и я должен был поднимать на палубу мешки ручной лебедкой.

Затем паруса прикрепили к реям. Мы стояли высоко на своих местах, разворачивая паруса вниз и закрепляя их фалами. Ледяной ветер кусал пальцы, стальные оси были ужасно холодными. Грот-мачта, как колокольня, возвышалась на сто шестьдесят футов. Палуба внизу казалась крохотной. Мы закрепили двадцать восемь парусов, и это заняло целых два дня.

Утром четвертого дня мы были готовы. Пришел буксир, и в семь часов мы отплыли. На реке была еще почти ночь, вода казалась глубокой и черной. Только льдины плыли светлыми пятнами, расступаясь перед носом нашего корабля. Мы двигались в середине течения, команда стояла на борту, глядя на землю, еще лежавшую в темноте. Вдруг хриплый голос закричал:

– Трижды ура святому Павлу!

Вся команда в один голос выкрикнула:

– Ура! Ура! Ура!

По воде донеслись в ответ голоса, но мы не могли различить слова.

Когда стало светлее, я увидел у фальшборта человека в белой фуражке.

– Старик, Старый Козел, – прошептал Зиппель.

Человек на мостике вертел головой, как петух, собирающийся кукарекать. Потом он скрылся в штурманской рубке.

– Он вынюхивал ветер, – сказал Зиппель, – и теперь собирается прокладывать курс. Он чует погоду за три дня.

Я посмотрел на Зиппеля, но его лицо было совершенно серьезно. Нас вели на буксире вниз по Эльбе, и мы достигли открытого моря в полдень. Дул легкий северо-восточный ветерок, море выглядело серо-зеленым и очень холодным. К вечеру, перед закатом, буксир ушел.

Дали команду ставить паруса. Мы вскарабкались по реям. Паруса один за другим развертывались и наполнялись ветром. Солнце скрылось за облаком, на востоке медленно поднималась луна, круглая и полная. На море играли блики света. Мы работали, пока рубашки не прилипли к телу, несмотря на холод. Время от времени я замечал игру света на белых парусах.

Когда я снова оказался на палубе, меня захватило восхитительное зрелище: передо мной возвышались три серебряные башни, их вершины исчезали в ночном небе. Ветер пел в них, а снизу доносилось глубокое ровное шуршание рассекаемых носом волн.

Мы плыли. Как будто невидимая сила несла корабль и толкала его мягко, но непреодолимо. Не было шума машин, только глубокий и ровный звук волн. До Бискайского залива погода была хорошей, но потом ветер изменился, и мы должны были какое-то время лавировать. Но мы рассчитывали наверстать упущенное время за Азорами, когда попадем в пассат.

Когда мы подошли к Азорам, пассата не было, ветер дул легкими неравномерными порывами, будто кашлял старый человек. Хотя капитан приказал поднять все паруса, нам не удавалось делать больше десяти миль в час. Море как будто превратилось в жидкий свинец. Дни были знойными и душными, а ночи еще хуже. Мы не могли выносить это внизу, и, когда были свободны от вахты, лежали на крышках люков, чтобы почувствовать прохладный ночной воздух. Капитана видели редко. Большую часть времени он полулежал в шезлонге за рулевой рубкой. Иногда около полудня, в самую жару, он появлялся. Длинное тощее приви-

дение в розовой шелковой рубашке. Озабоченно смотрел на провисшие паруса, покачивал головой и снова исчезал за рулевой рубкой. Хотя видели его мало, мы ощущали, что именно он всем управляет. Между собой мы его звали Старый Козел.

Однажды днем Крамер, маленький человечек, послал Зиппеля на камбуз за сгущенным молоком. Он хотел подсластить свою лапшу. Но Зиппель вернулся без молока.

– Какого черта? – грубо спросил Крамер. Этот неуклюжий восточный пруссак редко открывал рот. Сейчас он был в ярости. – Что, этот проклятый мясник не мог дать молока?

– Нет, – озабоченно ответил Зиппель. – Он бы дал, но Старый Козел запретил. Говорит, надо экономить.

Крамер и остальные за столом ничего не сказали. Нарушил молчание Стокс:

– Завтра будет что-нибудь необычное: соленое мясо и сушеная картошка.

Это была наша ежедневная диета уже три недели. Фраза Стокса была больше, чем шутка.

С этого времени молока не было ни утром, ни днем, ни вечером. Спустя три дня я снова дежурил по столовой и пошел на камбуз за «пушечным огнем». Так назывался кофе, который приносили в четыре утра. Этот черный и горячий напиток, сильно пахнущий цикорием и слабо кофе, любим всеми моряками от Арктики до тропиков.

– «Пушечного огня» больше нет, – с сарказмом сказал кок.

– А что я им скажу?

Он пожал плечами:

– Можешь сказать что хочешь. Старый Козел запретил.

Моряки сообщают не очень быстро. Когда я вернулся, позвякивая пустым бидоном, мое сообщение заставило всех замолчать, как и раньше. Они сидели в своих сетчатых майках или голые до пояса. Перед ними лежали морские сухари, которые они собирались съесть с кофе.

Я не знаю, кто начал. Думаю, Мюллер. Он взял сухарь, постучал по столу и запел:

– Едем, едем...

Это был сигнал тревоги, используемый, чтобы утром поднимать свободных от вахты. С ударами сухаря жучки вылезли из сухарей и побежали по столу. Их сметали на пол и давили ногами. Это была старая шутка. Но в этот раз было нечто большее. Команда расхвотала сухари и барабанила ими по столу, а хриплые голоса нестройно пели:

– Едем, едем...

Шум перекрыл голос Старого Козла. Он спустился с мостика и стоял прямо над нами.

– Боцман, – сказал он, – думаю, вам следует смотреть за тем, чтобы в помещении было тихо.

Загудел резкий голос боцмана:

– Проклятье! Молчать в кубрике!

– Чудной человек! – произнес кто-то приглушенно. – Он не хочет запачкаться о нас.

– И такой набожный и добрый, – подхватил Стокс, – как если бы сам Бог был его сердечным другом. Посмотрели бы на него в последнем рейсе.

– ...Вы не пройдете под мостом в прилив с вашими мачтами, – сказал лоцман.

– Пройдем, – ответил Старый Козел, – я измерял.

Чтобы ждать отлива, надо было заплатить лоцману два фунта, а он не собирался тратить деньги.

– О'кей, капитан, под вашу ответственность, – сказал лоцман.

Старый Козел не ответил и ушел в штурманскую рубку.

Я сбивал ржавчину с фок-мачты, когда пришел Ивейзен и позвал меня:

– Эй, Гюнтер, загляни в штурманскую рубку, увидишь такое, что стоит посмотреть.

Я пошел и посмотрел. Старый Козел сложил руки и молился Великому Богу, чтобы он помог ему удержать и два фунта, и верхушки мачт и не наказал его за скупость. Он стоял на коленях. Так продолжалось по крайней мере с полчаса, пока мы шли под мостом. Мы проходили мимо штурманской рубки и смотрели. Благодаря Иисусу мы остались с целыми мачтами. Но с тех пор, когда бы мы ни проходили мимо Старого Козла, мы всегда стряхивали пыль с колен...

Раздалось несколько смешков.

– Ну, будем надеяться, что он не собирается молиться, чтобы наше соленое мясо ушло со стола, – сказал Шлегельспергер.

Дверь была открыта, и мы могли видеть, как Иессен бежит из камбуза к «еврейскому храму».

– Вы, морды! – заорал он. – Балкенхол на камбузе пожирает молоко. Я сам видел его рыло с большой банкой, в которой булькало молоко.

Как будто открыли клапан, чтобы выпустить давно сдерживаемую ярость. Все ругались.

– Свинья, Иуда... Я ему, сукину сыну...

Затем Витачек решительно сказал:

– Мы приедем его ночью.

Наступила темная беззвездная ночь. Небо было укутано низким туманом, лишь изредка его случайно пронизывал тонкий серп молодого месяца. До полуночи мы были свободны от вахты. В четыре часа босиком мы прокрались вперед. Балкенхол что-то писал, сидя в камбузе. Дверь была открыта, свет небольшой лампы отражался на его лысой голове. Мы столпились у фок-мачты, и Зиппель закричал:

– Балкенхол!

Тот посмотрел наверх. Его выпуклые темные глаза старались пронзить темноту.

– Балкенхол, – снова позвал Зиппель. На этот раз голос его звучал жалобно и умоляюще.

Балкенхол прочистил горло:

– Кто там?

– Можешь дать ведро горячей воды?

– Нет, – сразу ответил Балкенхол, как всегда, когда его о чем-нибудь просили.

Несколько мгновений никто не двигался. Мы начали думать, что Балкенхол почуял заговор, потому что внимательно смотрел в нашу сторону. Наконец он сказал:

– Если тебе что-нибудь нужно, войди.

– Я не могу, – сказал Зиппель и захныкал: – О, моя нога, моя окровавленная нога.

Любопытство Балкенхола возросло. Он встал, вперевалку подошел к двери и вышел на палубу, осторожно оглядываясь. Две тени выскочили из темноты и бросились на него. Быстрые, как привидения, все трое скрылись под шлюпбалкой в тени спасательной лодки. Послышались шлепки, совсем как в воскресенье, когда Балкенхол отбивает котлеты. Наполовину задушенный, он несчастным голосом закричал:

– Какого черта! Что вам в голову взбрело? Я ничего не делал!

– Ничего не делал? – спросил угрожающий голос. – Не ты ли готовишь для нас дерьмо всю дорогу?

Второй голос:

– Ты выпил наше кровное молоко, подонок!

– Я? Я выпил твое молоко? Никогда в жизни!

– Не ври. Иессен видел тебя.

Голос Балкенхола задрожал:

– Это вранье. Я знал, что Старый Козел опустошил банку... В ней была едва ли капля. Но на вас похоже: когда Старый Козел запретил давать молоко, вы ни слова не сказали. Вы только и говорите: «Да, сэр, спасибо, сэр», и позволяете ему пинать ваши задницы. А ему плевать на вас хотелось. Вы думаете, я это делаю? Теперь вы хотите меня бить? Почему бы вам не пойти на корму и не высказаться откровенно?

Шенборн, наблюдавший у бизани, закашлял. Сразу же из темноты показался Рудлоф, третий офицер.

– Что происходит? – дружелюбно спросил он. – Свободные от вахты и не в койках?

– О, сэр, – фарисейски ответил Крамер, – ночь так прекрасна!

– Она действительно прекрасна, – кивнул Рудлоф и прошел мимо.

У него была лирическая натура, мы подозревали, что он пишет стихи. Но к этому моменту мы достаточно вкусили красоты ночи и уже хотелось пробраться к койкам.

На следующее утро мы работали наверху. Рядом со мной на веревочной лестнице стоял Зиппель. Палуба корабля была далеко внизу. Внезапно он вытянулся и спросил:

– Пойдешь с нами? Мы собираемся сбежать в Пенсаколе.

Я удивился:

– Что ты имеешь в виду? Ты хочешь сбежать?

Он, смеясь, кивнул:

– Конечно, почти все хотят. Весь «еврейский храм» опустеет и носовой кубрик тоже.

Старый Козел может сам выбивать тараканов из сухарей.

Второй помощник свистнул, призывая нас спуститься вниз крепить такелаж. Я был взбудоражен тем, что сказал Зиппель. Значит, они хотят удрать. Просто уйти с корабля в Пенсаколе. Я легко мог это понять. Честно говоря, мне тоже хотелось убежать, и чем скорее, тем лучше. Я посмотрел на свои руки. Красные, обветренные, разъеденные морской водой. На шее нарывы из-за плохой пищи, мяса, соленого, как морская вода, и полного отсутствия зелени. Сбежать! Это очень хорошо. Но куда? Что делать в чужой стране без денег и документов?

Когда вахта закончилась, мы собрались в кубрике поесть. Я надеялся, что кто-нибудь заговорит о побеге, но говорили мало и о другом.

Освободившись, я пошел на нос и улегся на канатный люк. День был солнечный, небо ярко-синее. Паруса обвисли и слабо шевелились под случайным дыханием бриза. Они издавали легкий шлепающий звук, будто маленькие волны бились о мол. Их звук навевал сон. Через некоторое время Зиппель подошел и сел рядом.

– Ты подумал, идешь?

– Что вы собираетесь делать, когда доберетесь туда? – спросил я.

– Увидишь, – ответил он величественно. – Так ты не знаешь?

Он пыхнул трубкой один или два раза и осторожно осмотрелся. Потом наклонился ко мне и прошептал:

– Стокс знает нескольких фермеров, которые ищут белых надзирателей. Это жизнь! Скачешь по полям... Полсотни негров потеют и работают, а ты над ними на коне и только говоришь: «Давайте, детки, работайте, работайте!» В полдень индейка и ананас, каждое утро какао, негры готовят тебе еду. А ночью ты спишь на шелковых простынях, и негры охраняют тебя...

Его трубка тряслась от возбуждения. Я не прерывал его. То, что он сказал, подействовало на меня, как реклама солнечного юга, которую мы видели на вокзале. Только Стокс был грязным пятном на этой картине.

– Кто еще, кроме тебя и Стокса? – спросил я.

Он посчитал. Набиралось пятеро, еще кок и Янки, с которым я пришел на борт. Не лучшая компания.

– И все? – поинтересовался я.

– Пока да, но, возможно, нас будет гораздо больше. А ты? – спросил он и повернулся уходить.

Я не мог прийти ни к какому решению.

– Еще подумаю, – сказал я.

Он пожал плечами и ушел сердитый. Я в нерешительности посмотрел наверх, где паруса слабо хлопали на ветру, сверкая белизной на фоне темно-синего неба. Все слышали о людях, преуспевших в южных штатах. Вы могли не стать миллионером, но за несколько лет кое-что накопить. Если я останусь моряком, очевидно, буду бедным всю жизнь. Я поднялся и пошел на корму.

«Еврейский храм» был пуст, дверь открыта. Только Крамер спал на своей койке, сильно храпя. Я взял из шкафчика бумагу и сел за стол. Через открытую дверь я видел линию горизонта, где небо и земля сливались в серебристом тумане. Я писал маме. «Дорогая мама, мы скоро будем в Америке. Путешествие было долгим. Должен сказать, что я воображал жизнь на корабле совсем иначе. У нас всегда много работы и мало хлеба...»

На бумагу упала тень. В открытой двери стоял Витачек. Я не слышал, как он подошел.

– Что ты тут делаешь? – спросил он.

Я закрыл письмо рукой. Он взял его совершенно спокойно, словно так и должно быть. Сел и начал читать.

– Ну, ну. Значит, ты с ними. Не думал так о тебе, братец Прин. – Он пронизательно посмотрел на меня. Очень неприятный взгляд.

– Что ты имеешь в виду? – Я даже стал заикаться.

Он помахал рукой:

– Не извиняйся, мой мальчик. Ты знаешь так же хорошо, как и я, что происходит. Но позволь сказать тебе кое-что. Честный моряк не занимается такими вещами. Согласен. Они кормят нас дерьмом в этом плавании. Да. Старик – скупой Старый Козел. Но бросить все ради... все это... – Он показал на море, искрящееся под полуденным солнцем. – Разве ты не чувствуешь все это? Посмотри, когда мы попадем в шторм, ты увидишь, как идет старый «Гамбург». Тогда ты увидишь настоящего Старика, парень. И ты не увидишь на корме несчастного собирателя обрезков сыра. Ты увидишь моряка, готового к любой непогоде. Конечно, парни вроде Стокса не могут этого увидеть. И тем более Балкенхол с его грязным камбузом. У них просто нет этого зрения. Но позволь мне сказать тебе кое-что. – Он подался вперед, и его кулак вколачивал слова в стол. – Я не собираюсь смотреть, как ты позволишь себе спутаться с этими задницами! – Витачек вскочил так, что скамья грохнулась о стену, и затопал прочь.

Я посмотрел вслед и не стал продолжать письмо.

Ночью ветер изменился на юго-западный, и утром мы могли почувствовать запах земли. Это был странный сильный запах, пахло лесом, залитым солнцем. Огромные медузы проплывали мимо. В два часа наблюдатель закричал:

– Земля!

Через час и мы смогли увидеть плоскую белую береговую линию, блистающую на солнце. Был уже вечер, когда, лавируя против ветра, мы вошли в гавань и бросили якорь на рейде Пенсаколы.

После нашего разговора на люке Зиппель не разговаривал со мной. На следующее утро он опять подошел. Мы стояли у каюты второго помощника, чтобы получить аванс для берега.

– Ну, идешь с нами? – тихо спросил он.

Я покачал головой. Потом мы оба посмотрели на берег, мне было жаль, потому что, несмотря ни на что, мне нравился Зиппель. Даже если сейчас он не прав, он был хорошим товарищем.

В каюте второго помощника нас ждало разочарование. Матросы первого класса получили по три доллара, остальные матросы – по два, а юнги совсем ничего.

– Воспитательная мера капитана, – усмехаясь, сказал второй.

После обеда мы отправились на берег на моторной лодке. Город спал в слепящем полуденном свете. Это был любопытный город. Напыщенные деловые здания стояли рядом с грязными хижинами и сараями из ржавого железа, соседствуя с пустырями, заброшенными падалями и хламом. Тощие пальмы были присыпаны белой, все покрывающей пылью. Я неторопливо шел и смотрел на магазины. Загорелый человек в рубашке с короткими рукавами потел под навесом перед кафе. Я не мог никуда пойти: у меня не было денег. Я медленно возвращался в гавань.

На длинной прямой дороге, которая, казалось, вела прямо в море, меня догнала повозка, маленькая, двухколесная, запряженная мулом и набитая людьми. Я услышал их крики на расстоянии. Это был Стокс и компания. Правил повозкой желтый полукровка с напыщенными усами. Он напряженно смотрел прямо перед собой. Проезжая мимо, они помахали бутылками со спиртным и что-то прокричали. Коляска была слишком мала, чтобы вместить их всех, и они висели на ней, как рой пчел. Вскоре коляска скрылась в облаке белой пыли.

В гавани я должен был ждать лодку, чтобы попасть на «Гамбург». Наконец, вернулся боцман и взял меня с собой.

– Ну, Прин, – благосклонно сказал он, – не повезло? Полагаю, дамы хотели видеть твое удостоверение о конфирмации? – Он засмеялся, показав черные остатки зубов.

На борту я сразу пошел в кубрик. Он был пуст. Все ушли. Корабль спокойно и мягко покачивался на якорной цепи вместе с движением моря, как во сне. Я влез в койку и скоро заснул. Среди ночи меня грубо разбудили. Влажное горячее дыхание коснулось моего лица, и хриплый голос пробормотал:

– Просыпайся, Прин, просыпайся!

Это был Зиппель. От него разило спиртом. Даже в мерцании маленькой лампочки, качающейся под потолком, было видно его красное и веселое, как детский шарик, лицо.

– Прин, мы сейчас убираемся, – прошептал он, увидев, что я проснулся.

Я просто хотел попрощаться с тобой и потом вот... – Он наклонился, поднял железный обвязанный ящичек и бросил его мне в ноги. – Я не могу взять его с собой. Принеси мне его завтра в кафе «Чикита». Завтра днем после четырех, ладно?

– Но...

Он прервал:

– Пока, Прин. Ты, грязная собака, не пошел с нами, но ты мой приятель, не так ли? – Он повторил: – Прин, ты мой друг, разве нет?

– Заткнись! – прозвучал с койки сердитый голос Витачека.

Мгновение Зиппель стоял, глупо тряся головой, как теленок, которому мясник нанес удар молотком. Затем он повернулся и пошел покачиваясь. Дверь осталась открытой. Я выскочил из койки и побежал за ним. Но темнота поглотила его. При бледном свете звезд я мог видеть несколько бегущих фигур с вещевыми мешками, набитыми так, что они почти лопались. Я прокрался в свою койку, но прошло много времени, пока я снова заснул.

Когда на следующее утро мы собрались на переключку, отсутствовало девять человек: матрос первого класса Стокс, пять рядовых матросов, два юнги и кок. Боцман, распределявший работу, был в ярости. Он грохотал в кубриках, напрасно пытаясь отыскать беглецов в койках и шкафах. Нас распределили на работу, вместо двадцати семи осталось восемнадцать. Было трудно выгружать отбросы, которые за время пути стали твердыми, как камень. Мы

разбивали их киркой, а затем поднимали на палубу в больших железных ведрах. В середине работы ко мне подошел боцман.

– Прин, к капитану! – сказал он елейным голосом, как священник на похоронах.

Впервые меня позвали к капитану. Пока я шел на корму, у меня тряслись коленки. Перед дверью я глубоко вдохнул и постучал.

Старый Козел что-то писал, сидя за столом, и не перестал этого делать, когда я вошел. Я осмотрелся. Каюта была маленькая, но удобная. Там стояли обтянутые кожей скамьи, а темно-коричневые стены красного дерева блестели, как свежий грецкий орех. Наконец он положил ручку и повернулся ко мне.

– Можешь сесть, мой мальчик, – сказал он дружеским тоном, и я присел на краешек скамьи.

Луч света из окна освещал его голову. В первый раз я мог близко изучать его лицо. Оно было длинным и красным. Голубые глаза глубоко прятались в темных веках, как в пещерах.

– Скажи, Прин, – начал он, – ты дружишь с Отто Зиппелем? – Капитан помолчал, уставившись на меня.

Я кивнул. Сердце билось где-то в горле.

– И ты знаешь, – продолжал он масляным голосом, – что Зиппель нелегально покинул корабль прошлой ночью вместе с несколькими другими?

– Да, сэр, – робко ответил я.

Внезапно он встал. Возвышаясь надо мной, как башня, он ткнул меня в грудь костлявым пальцем и закричал:

– Где они?

Я вздрогнул и должен был несколько раз сглотнуть, прежде чем смог, заикаясь, ответить:

– Не знаю, сэр.

Он медленно уселся в кресло.

– Ох, Прин, Прин, – сказал он тем же масляным голосом, как и прежде, – ты на плохом пути. Ты лжешь, тогда как знаешь, что должен говорить правду, сын мой.

Я продолжал молчать.

– Полагаю, ты думаешь своей глупой головой, – он дважды постучал костлявым пальцем мне по лбу, – что оказываешь своим введенным в заблуждение друзьям добрую услугу, не говоря ничего. Но подумай, какая судьба ждет их на берегу: их исключат из торгового флота, в их книжке моряка будет запись «дезертир», а если они начнут нищенствовать в Америке, – а они начнут побираться, Прин, – их закуют в цепи и заставят подметать улицы. Подумай об этом, Прин.

Я подумал и представил себе Зиппеля, истощенного, в позвякивающих железах, подметающего улицы, но промолчал. Капитан говорил со мной около часа, и я был весь мокрый, когда уходил из его каюты. Я не сказал о встрече в кафе «Чикита».

На обед была только холодная еда, так как кок исчез. Сразу после обеда я пошел к боцману просить отпуск на берег.

– С ума сошел, – все, что он сказал мне.

Это был конец. Я пошел в трюм помогать другим выгружать мусор.

После трех часов первый офицер проводил капитана к трапу. Старый Козел был в шелковом костюме, в белой фуражке и держался строго, с достоинством.

– Он собирается заявить в полицию, – сказал Крамер.

Мы стояли у поручня и смотрели, как они отбывали на моторке.

После четырех часов мне стало плохо. Я думал о Зиппеле, ожидающем меня в кафе «Чикита». Каждый раз, поднимая ведро на палубу, я смотрел, не покажется ли он на набережной. В шесть часов мы закончили работу и стояли у перил.

– Смотрите, – сказал Крамер, показывая на шлюпку, идущую от пристани прямо к нам. На веслах сидел цветной, а Зиппель, одетый в белое, сидел на заднем сиденье, наблюдая. Он появился, чтобы показать себя.

Из гавани вышла вторая лодка, моторка, и тоже быстро пошла к нам. Справа и слева неслись белые усы пены, на корме застыла высокая фигура Старого Козла. Расстояние между лодками уменьшалось. Зиппель смотрел, как гребет его мальчик, не замечая ничего вокруг. К этому времени вся команда «Гамбурга» собралась у поручня и смотрела спектакль. Мы стояли как зачарованные. Только Витачек проявил мужество: он помахал Зиппелю и показал на преследователя. Зиппель, ослепленный гордостью, не обернулся. Оказавшись на небольшом расстоянии, он приложил руки ко рту и закричал:

– Я свободный гражданин США!

Старый Козел был теперь совсем близко. Удивленный шумом мотора, Зиппель обернулся и в следующий момент извивался, как белый кролик в руке охотника. Катер подошел к трапу. Старый Козел, волоча Зиппеля за шиворот, быстро прошел в свою каюту.

Я не видел Зиппеля в этот вечер. Он вернулся, когда я уже спал. Поздравления в честь его возвращения продолжались слишком долго. Каждый хотел приветствовать его. Первый, второй, третий помощники и, наконец, с наибольшим энтузиазмом боцман.

Воскресная служба на следующий день была назначена на десять часов. Служба всегда проходит на земле, на море только в спокойную погоду. Капитан настаивал, чтобы присутствовали все.

– Он из Восточной Фрисландии, – сказал Крамер саркастически. – С тех пор как они съели святого Бонифация, у них святость в животе.

Сначала мы пели песню. Старый Козел вынул скрипку из футляра и сдул пыль. Он неторопливо натер смычок канифолью и елейно предложил: «Споем гимн номер 67». Он приложил скрипку к подбородку и запел высоким царапающим голосом:

– Бог привел нас так далеко, щедрость его велика.

Зиппель стоял рядом со мной и пел. Он благодарил Бога кривым ртом, потому что его лицо распухло после приветствий боцмана.

Глава 3 КРУШЕНИЕ

3 сентября мы ушли из Пенсаколы. Корабль был перегружен, а на борту оставалось только двадцать человек из команды. Ни один дезертир не вернулся. Было раннее утро, солнце еще не поднялось над горизонтом. Мы подняли якорь и запели песню «Возвращение домой». Я думаю, это самая прекрасная песня. В каждом плавании она поется только один раз, когда поднимают якорь в последний раз на пути к дому. Боцман запел первым, потом присоединились другие:

Плывем домой, плывем домой,
Плывем домой по всем морям.
Плывем домой в наш старый Гамбург,
Плывем домой, к тебе, моя земля.

Паруса развернулись, и через несколько часов Пенсакола лежала далеко позади, бледная и нереальная, как будто мы никогда не ходили по ее пыльным улицам.

Мы снова были в высоких широтах. Однажды утром зазвучал корабельный колокол. Раз, потом еще... Затем быстрее и громче, громче, пока не зазвучал как колокол пожарной машины. Лурман и я стояли наверху на вантах.

– Пожар на корабле! – закричал он, спускаясь с быстротой паука, приближающегося к мухе, попавшей в его паутину.

Я поспешил за ним, пытаюсь увидеть, где горит. Не было видно ничего, кроме парусов, наполненных ветром. Палуба оказалась пустой.

Вся команда стояла на носу: Старый Козел, первый помощник и все свободные от вахты. Облако черного дыма извергалось из канатного люка и расплывалось по оснастке фок-мачты. Мы побежали. Тяжелые едкие клубы дыма мешали дышать.

– Проклятье, горит канатный люк, – тихо сказал Лурман.

Старый Козел повернулся и бросил на него свирепый взгляд.

Мы стояли, глядя на извергающийся дым. Гарри Стовер и два матроса держали над люком трос. Затем из дыма раздался хриплый голос:

– Тащите.

Они тянули медленно и ровно. Сначала появилась голова человека, потом грудь, наконец, все тело. Это был Витачек. Его отнесли к наветренной стороне и положили на палубу. Из канатного люка вылез Тейсон, почерневший от дыма, со слезящимися глазами, сотрясаясь от приступов кашля. Я бросился к Витачеку. Он лежал на спине с закрытыми глазами, как мертвый. Старый Козел поспешил к Тейсону:

– Что там? Огонь большой?

– Думаю, да, сэр. – Тейсон закашлялся. – Концы канатов тлеют как трут.

Старик повернулся к первому помощнику:

– Загляните в трюм, мистер. Я думаю, надо передвинуть мешки с пшеницей от переборок. – Его голос был масляный, как всегда, он только пришепetyвал больше, чем обычно.

Кто-то вылил ведро воды на голову Витачеку. Он внезапно сел, ошеломленно осмотрелся и сказал почти беззвучно:

– Канистры с бензином, – потом громче: – Канистры с бензином!

Мы знали, что он имел в виду, сама мысль об этом вызывала озноб. В канатном люке было шесть больших канистр с бензином. Они могли взорваться, и тогда загорится весь корабль.

– Дайте мне льня, и я принесу их, – сказал Тейсон. До сих пор никто особо не замечал этого жилистого крепкого человека. После дезертирства Балкенхола он взялся за камбуз, потому что больше никто не хотел. – Я вытащу канистры, – повторил он настойчиво, обвязывая льня вокруг пояса. Кто-то завязал ему нос и рот мокрым платком.

Он скрылся в темноте люка с огнетушителем под мышкой. Мы услышали его зов. Первый помощник и боцман наклонились над люком и вытягивали канистры одну за другой. Нам приказали включить насос, но он сломался. Парусный мастер поспешно приступил к работе. Он сшивал ведра из парусины, а мы носили в них воду. Когда мы вернулись, Тейсона вытягивали. Он стонал, лицо почернело. Одежда обгорела и дымилась. Его пытались расспрашивать, но он оттолкнул всех, качнулся на подветренную сторону, схватился за поручни, и его вырвало. Он упал на колени. Второй помощник мигом оказался рядом.

– В чем дело, Тейсон?

Тот сделал ртом несколько судорожных движений, как рыба, вытщенная из воды, но не произнес ни звука, а только показал на ноги. Второй вытащил нож и разрезал брюки. Нога была багровая, покрытая волдырями, под коленом – черная корка обгоревшей кожи.

– Ожог третьей степени, – пробормотал второй. Он повернулся и закричал на нас: – Нечего стоять и чесать задницы! Берите его и несите на корму.

Подошел Старый Козел:

– Принес огнетушитель пользу?

Тейсон покачал головой.

– Слишком много горело, – слабо проговорил он.

Старый Козел закричал, чтобы мы гасили огонь. Его голос разнесся по палубе, как труба. Работа началась.

Это было ужасно. Тридцать шесть часов мы носили воду в ведрах и выливали ее в воронку из парусины, которую мастер приладил над канатным люком, тащили пустые ведра к борту, наполняли и снова выливали в воронку.

Отдыхающих не было. Все были на палубе. Временами мы карабкались по вантам, так как ветер свежел. Волны захлестывали палубу, мы промокли до костей, но времени переодеться не было. Мы залили водой канатный люк, потом бункер камбуза, потом цепной ящик, поскольку огонь наступал уже на перегородки. К позднему вечеру на вторые сутки огонь утих.

Мы повалились, как пустые мешки, там, где стояли. Сонные, мы падали на палубу, на крышки люков, всюду. Весь корабль спал. Бодрствовали только двое: сигнальщик и рулевой.

Меня разбудил удар ботинка в бок.

– Проснись, ты не мертвый.

Одуревший от сна, я уставился на боцмана.

– Первый зовет тебя, Прин.

Пошатываясь, я неуверенно отправился на корму. Первый сидел в своей каюте и читал.

– Ты умеешь готовить, Прин? – спросил он.

Я сразу понял, чего он хочет.

– Немного. – Я колебался. – Совсем немного.

– Ну, думаю, для камбуза сойдет, пока Тейсон не поправится.

Я поморщился. Тот, кто хочет быть моряком, не находит ничего приятного в работе кока.

– Ты будешь получать зарплату матроса, – искушал первый, – и Зиппель будет твоим помощником.

Итак, мы оба направились на камбуз. Я со смутными чувствами, а Зиппель с большой радостью.

– Слушай, – сказал он, – мы же сможем есть, пока пена не пойдет.

Что мы и делали. Но мы не скупались и для других. У нас была цель: сделать лучшую еду, какая когда-либо была на «Гамбурге». Мы приступили к новым обязанностям в пятницу. С незапамятных времен это день соленого мяса на кораблях. Балкенхол и Тейсон бросали мясо в горячую воду. Мы знали, как справляются с ним наши зубы и желудки. Мы пропустили мясо и черствый хлеб через мясорубку и сделали котлеты. После еды мы торжественно прошествовали через носовой кубрик и «еврейский храм», собирая похвалы.

– Со времени моей последней котлеты в миссии, – сказал Крамер, похлопывая себя по животу, – я не ел так вкусно.

Суббота – день сушеной рыбы на парусниках, но мы испекли рыбный пирог, и наша популярность стала даже смущать нас.

В воскресенье было мясо с красной капустой и пудинг. Мясо и хлеб для пудинга были, но капусту мы не могли найти. Я послал Зиппеля на корму, где в своей койке лежал стонущий Тейсон. Зиппель вернулся:

– Красной капусты нет, есть белая!

Я пожевал черенок трубки. Это стало бы нашим первым поражением. Белая капуста не годилась для воскресенья.

– Проклятье, – печально заметил Зиппель. – Они побьют нас.

Иллюзий насчет человеческой благодарности у него не было.

– Может, взять малиновый джем, – предложил он.

Я покачал головой:

– Нет, этого недостаточно. Но... подожди-ка минутку. Беги к боцману и попроси немного сурика. Если он спросит зачем, скажи, что хочешь покрасить камбуз.

Лицо Зиппеля прояснилось, и, посвистывая, он быстро скрылся.

Когда он вернулся, мы сначала проверили в старой жестянке цвет. Никакая красная капуста не могла быть краснее. Вкус улучшился. За обедом дежурные три раза возвращались за капустой. Мы не участвовали в общей еде, а ели из наших запасов то, что диктовала наша фантазия. Спаржа, какао, пудинг...

Был чудесный день, ясный и спокойный, и уж точно не было никаких причин, чтобы кому-то вздумалось заболеть морской болезнью. Но через четыре часа после обеда матрос первого класса Шлегельспергер вышел на подветренную сторону, перегнулся через поручни и выпустил обед, как пассажир при ветре в шесть баллов. Через полчаса каждое место в галюнах было занято, а нетерпеливые люди с расстегнутыми поясами стучали кулаками по деревянным дверям. На мостике Старый Козел прохаживался взад и вперед с позеленевшим лицом. Время от времени он скрывался в своей маленькой каюте, где для его единоличного пользования находился специальный сосуд с позолоченными краями. Еще полчаса, и все, качаясь из стороны в сторону под бушпритом, удобряли луга сорняков на дне моря.

– Медвежья болезнь, – посмеиваясь, сказал Зиппель.

Смех застрял в горле: дверь открылась и появился Старый Козел.

– Вы кажетесь очень счастливыми на камбузе, – сурово сказал он.

Я был уверен, что он заметил и какао, и спаржу на столе, но промолчал. Он в два шага подскочил к плите, наклонился над кастрюлями и понюхал. Затем сунул длинный палец в кастрюлю с красной капустой, мигом повернулся и ткнул красный палец Зиппелю под нос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.